

- smartfiction - <http://smartfiction.ru> -

Кто вы? Дорис Дёрри

Posted By *longman* On 11.11.2011 @ 06:41 In Рассказы | [2 Comments](#)

В свой двадцать пятый день рождения я нашла женщину. Не доезжая до поворота с автостреды на Ландсберг-Восток, я остановилась на пустой стоянке, чтобы пописать, и увидела ее, уже выходя из кустов. Ссутулившись, сидела она в инвалидном кресле; несмотря на жару, на ней было тяжелое темное пальто, темно-красная бархатная шляпа, лица я не могла рассмотреть. По ее руке ползла муха. Мимо нас с грохотом проносились автомобили. Пахло гнилыми бананами и бензином. И вокруг ни единой живой души.

Я смотрела, как муха ползла по старческой, морщинистой руке. Мне еще ни разу не доводилось видеть покойника. Я испытывала страх перед ними, перед их запахом.

Два года тому назад я побывала в патолого-анатомическом отделении университетской клиники, в помещении, где вскрывают трупы. Труп на этот раз не было, там снималась сцена для телевизионного боевика, — я была руководителем съемок, а роль нашего трупа исполнял без умолку болтавший актер. Сверкающая сталь, красные резиновые перчатки, висевшие на стене, пилы, которыми вскрывают черепа, сосуд для стока крови, весы для органов — всего этого мне вполне хватало, но что меня ужаснуло по-настоящему, так это запах. Запах, замаскированный формалином. Его ничем нельзя было заглушить. Разнообразные духи женщин из нашей группы и едкая вонь режиссерских сигар делали тот запах еще более явственным. Подобно ядовитому газу проникал он — сквозь одежду, сквозь кожу — в мое сердце. Казалось, что вся жизнь, которая мне еще предстоит, съеживается, превращаясь в крохотную точку, подобную мушинуму следу на оконном стекле, и как я ни заставляла себя его забыть, запах снова ударял мне в нос. На обед нам привезли прямо под двери морга шницели по-венски с картофельным салатом на картонных тарелках. Пораженная, я наблюдала, как все с аппетитом ели, даже гример, который за пять минут до этого изучал труп задушенного человека, чтобы потом достоверно воспроизвести на нашем актере следы удушения. Казалось, все они лишены обоняния и не чувствуют того, что чувствую я. Вечером, вернувшись домой, я тесно прижалась к телу моего друга Криса, и от него стало пахнуть так же. Ночью запах разбудил меня — от моей собственной плоти, от каждой частицы моего тела воняло смертью и разложением.

Быстрым жестом она согнала муху. Что нисколько не упростило ситуацию. Если она жива, что с ней будет дальше? Сделав несколько шагов, я приблизилась к ней. Ее глаза были закрыты, казалось, она спит, мне послышалось тихое похрапывание. Я прикоснулась к ее руке — несмотря на палящий зной, она была холодна как лед.

Выпрямившись, я осмотрелась в надежде, что на стоянку свернет еще какая-нибудь машина, например семья с решительной мамашей и сановно-важным папашей, уж они-то наверняка знают, как следует поступать с женщинами, которых находят на стоянке при автостраде.

В конце концов то был мой день рождения, я ехала на именинный пикник, который Крис устраивал для меня на полянке в усадьбе своего отца. На пикнике настоял Крис, я же охотнее всего провела бы этот день одна в своей небольшой квартирке. В последнее время мы не ладили, ему была ненавистна моя пассивность, он считал, что любое дело следует доводить до конца, не томясь в ожидании.

Я была еще молода, слишком молода, чтобы возиться со старухами. Последние несколько шагов до своей машины я преодолела бегом, словно меня преследовали.

Выезжая мимо старой женщины к повороту на автостраду, я отвела взгляд. Передо мной сверкающей рекой проносились автомобили с людьми, казалось, они целую вечность находятся в пути к бесконечному уик-энду, на лицах застыла усталость и разочарованность. Я присоединилась к потоку.

— Двадцать пять лет тому назад в этот день тоже была суббота, — сказала мне мать в восемь часов утра в мой новый мобильный телефон. — И тридцать градусов в тени.

— Мама, говори громче, я тебя не слышу.

— Ах, — прошептала она, — я и так говорю громко. Вера, ты меня слушаешь?

— Да.

— Когда мы ехали на такси в клинику, я буквально приклеилась к Нагревшимся сиденьям. Этого ощущения я никогда не забуду. Сегодня будет жарко. Уже сейчас больше двадцати градусов. Ненавижу жару. Я задернула шторы. В комнате совсем темно и прохладно. Сегодня я не выйду из дома, да, никуда не выйду, сегодня я вообще ничего не стану делать, сяду в большое кресло и буду думать о тебе. Целый день. И готовить тоже не стану. Как я была счастлива, когда ты родилась. Когда сестры приносили тебя ко мне, я уже из коридора слышала, как ты кричишь. Ты кричала громче всех других младенцев. Я была так счастлива. Ты слушаешь, Вера? Может, в твоей постели мужчина? Я не мешаю?

— Нет, мама.

Она молчит и вздыхает.

— Сегодня будет ужасная жара. У меня уже сейчас ноги совсем тяжелые. Твой отец рядом со мной.

Она передает трубку. Отец всегда говорит по телефону очень громко. Она шепчет, он

орет.

— Ну как? Ты подросла за ночь? Этот вопрос он мне задает уже двадцать пять лет.

— Да, на целый метр.

— Прекрасно. Ты будешь выше всех. Я же всегда знал. Ай-ай-ай, двадцать пять, девочка, четверть века, кто бы мог подумать, а?

Когда я вернулась, она сидела точно так же, как прежде. На стоянке по-прежнему не было ни души, как если бы перед въездом стоял большой запрещающий знак. Я прикоснулась к ее плечу, слегка ее потрясла. Она подняла взгляд и посмотрела на меня маленькими блекло-голубыми глазками на снежно-белом, мягком, слегка перекошенном лице.

— Как вас зовут? Что вы здесь делаете? Как вы здесь оказались? Где вы живете? Кто вы?

Она смотрела на меня с любопытством, словно пытаюсь проникнуть в смысл моих слов, и молчала. Когда я обернулась, чтобы еще раз посмотреть, не лежит ли ее провожатый без сознания в кустах — должно же быть какое-то объяснение, почему она одна, — она взяла мою руку в свою и обхватила ее. На меня при этом она не смотрела. Держала меня за руку и не отпускала.

— Все будет хорошо, — прошептала я, — все будет хорошо.

Она оказалась легкой и костлявой, когда я подняла ее с кресла и посадила в машину. Я сняла с нее шляпу, на ее тщательно причесанные волосы была надета сетка с вплетенными в нее крохотными бусинками. Ногами она, наверное, двигать не могла, мне пришлось их по очереди поднимать, чтобы поместить в машину. Я пристегнула ее ремнем, она сидела выпрямившись, с красной шляпой на коленях, и внимательно смотрела через ветровое стекло. Когда я возилась с креслом, укладывая его в багажник, на стоянке вдруг оглушающе громко зазвучала музыка группы «U2». У меня промелькнула мысль, что я еще, возможно, сумею избавиться от нее, передав другому водителю, однако кто бы мне поверил, что женщина, которая сидит в моей машине, совершенно для меня чужая?

Я выпрямилась, обернулась в сторону, откуда доносилась музыка, — но звук шел из моей собственной машины. Она, должно быть, одной рукой включила радио. А сейчас неподвижно сидела, и я была не вполне уверена, слышит ли она музыку. Я выключила радио. Неторопливо, как в замедленной съемке, она протянула левую руку и снова включила радио. Итак, ей нравится группа «U2». Это было все, что я о ней знала. Я села в машину. И теперь мы просто сидели. Певец Боне, старая женщина и я были одни во всем мире.

В моем кармане отозвался мобильный телефон. Звонила мать.

— Дорогая моя, — сказала она, — кажется, я сегодня утром совсем забыла тебя поздравить. Желаю тебе чудесной жизни, — шептала она, — ради которой стоит жить, мужа, который будет тебя обожать, да, желаю тебе, чтобы твой муж был романтичен, нежен и образован. Пойми меня правильно, твой отец — добрый человек, пойми меня правильно. Ты слышишь меня?

— Да, мама.

— Я тебя плохо слышу, откуда эта громкая музыка, где ты, что ты делаешь, у вас тоже так жарко?

— Да, мама.

— Что я хотела еще сказать — надеюсь, я не мешаю тебе, — не торопись, хотела я сказать, тебе еще только двадцать пять. В твоём возрасте я уже была замужем. Да, это я и хотела сказать.

Ни единый волосок ее причёски не шевелился от встречного ветра. Я чувствовала слабый запах нафталина и лаванды, кошек и притираний, исходивший от нее, запах шоколадного драже и болезни. На ней были старомодные черные ботинки на шнурках. В течение всей поездки ее ноги оставались в той же позиции, в которую поставила их я. В какой-то момент она повернула ко мне голову на манер ящерицы и долго на меня смотрела. Веки ее ни разу не дрогнули. Одна половина ее лица казалась жесткой и застывшей, другая — мягкой и подвижной. Глаз на застывшей стороне слезился. По радио шла передача «Только с тобой». Зачитывались любовные письма слушателей и выполнялись музыкальные заявки. Бархатистым голосом дикторша читала: Йене из Вупперталя пишет своей Габи: Мой любимый зайчик. Без тебя мир бледен и пуст. Что я сделал не так? Без тебя я перестал быть самим собой. Пожалуйста, прошу, дай мне еще один шанс. Твой Йене. Йене пожелал для своей Габи песню «When a man loves a women» («Если мужчина любит женщину» (англ.) — популярный американский шлягер.). Не в силах удержаться, я стала подпевать. Baby, baby, please don't let me go, — горланила я, с улыбкой поглядывая на старую женщину.

Теперь у нее из одного глаза стекала по щеке слеза, скорее всего, из-за ветра. Она продолжала пристально меня разглядывать, возможно вовсе не видя моего лица. Она так и сидела не отворачивая головы, будто ее заклинило, пока мы не остановились в Ландсберге перед «Макдональдсом».

Я купила пакетик жареной картошки и стакан апельсинового сока и подсунула это ей под нос. Она наморщила нос, но никаких других поползновений есть или пить не проявила. Тогда я всунула ей в рот соломинку. С булькающим звуком она за один прием высосала весь стакан. «Здорово», — отметила я и тут же вспомнила о неизбежной следующей проблеме.

Лучше здесь, чем на дороге. Я выгрузила кресло, усадила ее, вкатила кресло в кафе.

Мне не удалось даже протиснуться за угол к двери туалета, коридор был слишком узок, мы перекрывали проход. Тогда я повернула назад, запарковала кресло у входной двери и взгромоздила ее себе на спину.

Никто не предложил мне помочь, посетители с интересом смотрели на мои маневры, как на бесплатное шоу, не переставая размеренными движениями набивать себе рот жареной картошкой и гамбургерами.

Мне хотелось закричать: «Послушайте, я не знаю эту женщину, что сидит у меня на спине, я не знаю, кто она, никогда раньше ее не видела, я нашла ее, и мне она совсем не нужна!»

Под платьем в мелкий цветочек на ней были старомодные шерстяные чулки, закрепленные застежками на болтающихся панталонах.

Этой системы я не знала, потребовалась целая вечность, пока мне удалось справиться с застежками. Я копошилась вокруг нее, а она терпеливо наблюдала за мной, как за ребенком, который впервые пытается сам расстегнуть на себе куртку. Уже сидя на унитазе, она снизу посмотрела на меня, возле одного уголка ее рта проступило подобие улыбки. Другой уголок оставался неподвижным, как бы намеренно отвергая любое усилие изменить выражение лица. Подвижная его половина казалась более молодой, довольной, в тот момент — почти счастливой, в то время как опущенный уголок рта на другой половине придавал ее лицу оттенок горечи и разочарования.

В соседней кабине хихикали две молоденькие девушки.

— Я тебя предупредила, — говорила одна, — он тебя уложит в постель, а потом даже не позвонит.

— Если вдруг спросят — я была в солярии, — хихикая, отвечала другая. — И у меня с собой два презерватива.

— Два? — поперхнулась первая.

— Гулять так гулять, живем-то ведь не вечно.

Старуха и я прислушивались. Девушки исчезли. Мы остались в одиночестве под шум спускаемой воды.

Я снова ее одела, отнесла назад и усадила в кресло, придвинула к столу и, обливаясь потом, пошла к стойке, чтобы взять большой стакан колы.

У меня не было полной уверенности в том, что я к ней вернусь. Толстый мужчина с красной лысиной упорно за мной наблюдал. Наверное, он уже записал номер моей машины. На улице женщина снимала на видео своих детей, скатывающихся по желобу с горки. Вполне возможно, что заодно она уже зафиксировала, как я со старухой на

спине тащусь в туалет. Кинолюбители обладают свойством предчувствовать события до того, как они случаются. Как можно иначе объяснить то, что в нужный момент на месте всегда оказывается человек с камерой, будь то убийство Кеннеди, горящий отель в Маниле или падающий самолет?

Я уже представила себе, как по телевидению идут кадры со старухой и мной. Симпатичный журналисте галстук в горошек задает мне вопросы, на которые у меня нет ответа: «Почему вы сначала взяли с собой старую, больную женщину, а потом оставили ее, беспомощную, в кафе быстрого обслуживания? Отчего вы так нерешительны, так слабы, настолько лишены представления о том, какой должна быть ваша жизнь? Почему вы так редко навещаете родителей? Почему вы не хотите поселиться вместе с вашим другом Крисом? По какой причине вы прервали учебу в институте? Почему вы сами не знаете, чего вы хотите?»

Празднество началось без меня. На покрытой яркими цветами лесной поляне стояли скамьи и столы, на деревьях висели пестрые фонарики, пылал огонь в жаровне, в маленьком пруду лежали ящики с пивом и несколько бутылок вина. На мой именинный пикник мы добирались по ухабистому проселку, уже издали я увидела Криса, он стоял рядом с Ритой, его рыжеватые волосы светились подобно пламени, он олицетворял собой молодость и здоровье, он смеялся.

Крис узнал мою машину, передал Рите свой стакан, подбежал ко мне.

— Наконец то, Вера, где ты пропадаешь? — воскликнул он возбужденно.

Лишь целуя меня через открытое окно, он заметил старую женщину. Прислонившись к стеклу, она спала.

— Я ее нашла, — пояснила я.

Рита считала, что нужно срочно известить полицию, Аксель хотел отвезти ее в больницу, Олаф предложил оставить ее ночью у дверей ближайшего дома для престарелых.

— Бабушка-подкидыш, — сказал Крис и засмеялся.

— А ты представь себе, что это твоя бабушка, — заметила Рита.

— Или мать, — добавила я.

— Твоя жена, — сказал Аксель, — а ты уже умер.

— Но это же не так, — возразил Крис.

Он взял меня под руку, и мы прошли несколько шагов по поляне. Его поцелуй был жарким и алчущим.

— Нравится тебе пикник? — спросил он.

— Нравится, — ответила я. — Спасибо.

— Ради тебя выбиваешься из сил, а ты говоришь спасибо так, словно тебе просто передали соль за обедом. — Он сорвал стебель травы и хлестнул им по своей штанине. — Никогда не знаешь, чего от тебя ждать. Предупреждаю тебя, я не придворный шут. Когда-нибудь ты обернешься, а меня уже нет. Просто нет.

Я наблюдала, как Аксель вытаскивал старуху из автомобиля. Ее ноги застряли, дверца наполовину закрылась, Аксель беспомощно остановился. «Помогите, — позвал он, — помогите». Рита подошла и поддержала ноги. Они пронесли ее по поляне сквозь компанию гостей и посадили у края леса на одеяло. Какое-то время она сидела с вытянутыми ногами, а потом, как жук, опрокинулась на спину.

— Ты не прав, — сказала я Крису, — я очень рада, ты просто не способен это увидеть.

Аксель снова посадил старуху и сел рядом с ней. Глядя на них, я прищурилась так, чтобы ресницы, подобно вуали, прикрыли глаза, и они стали походить на парочку.

— Иди сюда, — сказал Крис и увлек меня в траву. Он расстегнул мою блузку.

Я видела висящего на листе клевера кузнечика, его крылышки подрагивали.

Львиный зев, лютик, акант, вероника. Названиям цветов обучила меня мать. Каждую весну мы их собирали, высушивали, укладывали в гербарий. Отцу я приносила бесчисленные букеты, которые к вечеру, когда он приходил с работы, уже успевали завянуть.

Надо мной нависал небритый подбородок Криса, светлая щетина на темном фоне. Он целовал маленькую впадину между моими ключицами, перекрывая мне дыхание. Я выпрямилась и сказала: «Не сейчас». Потом встала и направилась на поляну.

— Когда же, — крикнул мне вслед Крис, — когда, черт возьми?

Ни от кого я не получила в подарок ничего такого, что бы мне нравилось, как будто они не знали меня, даже Рита, моя лучшая подруга, подарила мне зеленую шелковую шаль, хотя уж она-то должна бы знать, что я зеленый цвет не выношу.

Стемнело, Рита стала зажигать свечи в фонариках.

— Крис так старался, — сказала она, — чтобы получилось по-настоящему романтично. А ты привезла эту женщину и все испортила.

Мы обе посмотрели в ее сторону. Она сидела, прислонившись к дереву, и предоставляла Акселю всовывать ей в рот маленькие кусочки сосиски.

— Значит, я должна была оставить ее на автостраде — погибать там на жаре?

Рита пожала плечами.

— Кто-нибудь наверняка нашелся бы, ты тоже не всеильна, — сказала она и задула спичку.

Я не понимала ее. Я вообще никого не понимала на том пикнике. Наложив себе на картонную тарелку картофельного салата, я села на шаткую скамейку, взятую из летней пивной, и слушала, как Изабель, высокая, красивая девушка, рассказывала собравшимся о конкурсе на лучшую имитацию оргазма в одной из дискотек Мюнхена.

— Лучшим был маленький толстяк в очках, — сказала она, и все рассмеялись, — походивший на пятнадцатилетнюю девицу, хотя ему было наверняка за тридцать. Он выл, как собака, когда ей наступят на лапу, все быстрее и быстрее, а под конец закричал: «О мама, о мама, нет, нет, дааааа!»

Она откинула голову назад и завывала, как волк: «Дааааа! Дааааа!»

— Он, правда, получил лишь третье место, — сухо добавила она, — публика предпочитает женский оргазм, так уж сложилось.

Беата из Розенхайма принялась тяжело дышать, ритмически бить по скамейке, Изабель присоединилась к ней, затем и другие включились в игру, скамейка подо мной затряслась. «Да, — кричали все, — о боже, да, да, да». Они все ускоряли и ускоряли темп, кричали, и визжали, и выли, все вперемешку. «Господи, — кричал Олаф, — господи».

Я поднялась со скамейки. Те, что наблюдали, стоя вокруг, смеялись. У костра стоял Крис и пил ром из бутылки. Он укоризненно смотрел на меня. Я открыла рот, и у меня вырвался резкий крик. Не отводя взгляда, Крис покачал головой.

Аксель по-прежнему сидел на одеяле рядом со старухой. Красный фонарик окутывал их слабым светом. Я стояла в темноте между ними и костром. Вечер был теплый и безветренный, в такие вечера люди должны любить друг друга. Подобно миражу, реял над черной поляной пикник. Пламя костра отбрасывало дергающиеся тени на визжащих молодых людей. Аксель снял со старухи пальто. Он держал ее руку на своих коленях и поглаживал ее, проводя по ней указательным и большим пальцами вверх и вниз, вверх и вниз, не останавливаясь.

Когда я появилась из темноты, он поднял взгляд.

— Посмотри на это, — сказал он и указал на черное пальто. В подкладку была вшита записка:

Спасибо, что вы помогаете моей матери. После инсульта у нее одна сторона

парализована. Она не может говорить и ничего не понимает. Мне весьма жаль. Но у меня тоже только одна жизнь. Дочь.

P. S. Она любит, когда ей гладят руки.

Я села рядом со старухой и положила другую ее руку себе на колени. И стала медленно гладить старческую кожу. На ощупь она напоминала увядший лист. Телефон в моем кармане запищал. Руку старухи я не отпустила.

— Я еще хотела сообщить, — сказала мать, — Петра Кюн бросилась под поезд в метро.

— Кто такая Петра Кюн?

— Ты забыла Петру Кюн? Твоя лучшая подруга во втором классе, ты должна ее помнить!

— Мама, я же говорю — я ее не помню.

— Петра Кюн, девочка с чистыми руками, ты же должна помнить. У нее всегда были безупречно чистые руки и ногти. Четыре дня назад она бросилась под поезд метро. Говорят, она не могла перенести, что ее отец умирает. Рак. Хотя, возможно, она только оступилась, правды мы теперь так и не узнаем. Бедняжка. Я случайно встретила на улице ее мать, она постарела на двадцать лет. Ужасно, правда? Ты меня слушаешь?

— Да, мама.

— Я подумала, тебе это будет интересно. Как-никак она была когда-то твоей подругой. Что ж, не буду больше мешать.

— Ты нисколько не мешаешь, нисколько.

Мать молчала и тихо дышала в телефон. Я гладила руку старухи, пока мне не начало казаться, что это моя собственная рука. Вокруг нас пахло свежей травой, смолой и горелым деревом.

Article printed from smartfiction: <http://smartfiction.ru>

URL to article: http://smartfiction.ru/prose/who_are_you/

<http://smartfiction.ru> — качественная литература по будням. Коротко.